

ЦК КПСС

~~РАССЕКРЕЧЕНО~~

Во время пребывания в США, Бразилии и проездом в Мексике я имел несколько встреч с президентом США Джоном Кеннеди, его братом Робертом Кеннеди и некоторыми другими лицами из окружения президента, в Бразилии - с президентом Гулартом, премьер-министром Невесом, министром иностранных дел Дантесом и некоторыми другими официальными лицами; в Мексике - краткую беседу с президентом Лопесом Матеосом. Из этих стран были направлены в Москву телеграммы, в которых сообщалось о характере бесед. Хотелось бы доложить Центральному Комитету о некоторых деталях и обстоятельствах, при которых происходили встречи и беседы в США с тем, чтобы несколько дополнить картину.

Первое, что сразу было отмечено и американскими журналистами, и журналистами других западных стран, аккредитованными в Вашингтоне, это повышенный интерес американской общественности к самому факту, как выразился Липпман, участившихся контактов между США и СССР на разных уровнях. В ту пору, когда я был в Соединенных Штатах, это связывалось с тем, что М. Харламов встретился в Париже с П. Селенджером, газеты много шумели о возможности поездки Р. Кеннеди в СССР и, наконец, комментировалось приглашение президентом меня на завтрак. Было много домыслов на этот счет, и прямых вопросов во время приема в посольстве, на котором присутствовали видные американские журналисты: Липпман, Чайдс, Рестон, Хиггинс, директора телевизионных и радиокомпаний и т.д. Как можно было понять из разговоров с этими журналистами, из сообщений печати, в Соединенных Штатах

В архив
А. С. Ковалев

Америки сейчас с повышенной нервнойностью, с чрезвычайным интересом воспринимается любой шаг, который так или иначе, с точки зрения американцев, способствует возможности урегулирования американо-советских разногласий. Мне много приходилось бывать в Америке, но никогда я не видел такого взвинченного ожидания улушения отношений между нашими странами, как в этот раз.

В свое время Никита Сергеевич Хрущев говорил, что придет час - американская нация начнет просыпаться и американцы перестанут быть ленивыми тюленями, которые греются на теплом берегу. Видимо, это время приближается. Во всяком случае, как говорили совершенно откровенно опытные американские журналисты, они сами во многом не узнают американцев. Так, Чайлдс сказал по поводу преследования Коммунистической партии США: "Если бы этого не произошло, возможно многие тысячи американцев, особенно молодежь, по-прежнему не проявляли большого интереса к марксизму и вашим идеям. Теперь, даже когда я бываю в университете, то только потому, что я как-то знаком с Россией, меня спрашивают больше не о моих поездках в другие страны, а о том, что я думаю о коммунизме". Когда я сказал Липпману, что сегодня в советском посольстве приятная атмосфера, он рассмеялся и ответил:

- Еще бы! Вы же уже подписали Германский мирный договор, установили границу в Берлине, поставили там шлагбаум и, так как договор подписан вами и война не началась, то все вошло в колею.

Я сделал вид, что не понял Липпмана и сказал ему:

- Договор еще не подписан. Вы, видимо, хотите опередить события.

- Нет, это вы опередили события, - заметил Липпман, - и прекрасно все понимаете, а главное, это понимает ваш премьер.

В этот момент к нам подошло несколько других американских журналистов, в том числе Чайлдс и Рестон. Услышав, о чем идет речь, один из них сказал:

- Я уверен, что вы долго еще не подпишете Германский мирный договор.

- Почему? - спросил я.

- Да потому, что очень удобно иметь мозоль на ноге соседа, который тебе не нравится. Всегда в таком случае есть возможность неожиданно наступить на этот мозоль и сделать человеку больно, а потом извиниться и сказать, что вы сделали ему больно случайно.

Чувствовалось во время разговора о Германии и проблеме Западного Берлина, что она воспринимается американскими журналистами уже без того интереса, который существовал всего несколько месяцев тому назад.

Нарушив все нормы протокола, несколько десятков американских журналистов и советников Кеннеди задержались в советском посольстве на этот раз почти до полуночи. Если обобщить разговор который происходил в тот вечер, то его содержание было, примерно **таким**. Эйзенхауэр стал президентом Соединенных Штатов Америки, во-первых, потому, что он сам в глазах американского народа считается героем второй мировой войны. Во-вторых, - и это самое существенное, - Эйзенхауэр выступил как миротворец в корейском конфликте. Его заявление о том, что, если он будет избран, в Корее восторжествует мир, практически дало ему президентский пост. Кеннеди не обладает многими из преимуществ Эйзенхауэра, особенно, что касается популярности. Администрация Кеннеди, журналисты и газеты, поддерживающие Кеннеди, в том числе и ряд крупных газет /"Нью-Йорк Таймс"/ пытаются сделать ему сейчас политический бизнес. Рассылка разных сообщений об истории

восхождения Джона Кеннеди. Тут и рассказы о его службе во флоте во время войны, и большая реклама по поводу его различных выступлений и заявлений, тут и рассказ о семье Кеннеди, которая рисуется в качестве идеальной американской семьи. В шутку кто-то из журналистов сказал даже: "Мы знаем, в Советском Союзе борются с культом личности. У нас явно начинается культ Кеннеди и возможно нам тоже придется когда-нибудь бороться с этим культом".

Кеннеди, безусловно, очень волнуется и много думает о том, что ему трудно будет выиграть выборы на второй срок. В том, что Кеннеди выставит кандидатуру и в том, что его администрация уже готовится к этому, активно обрабатывает общественное мнение, не может быть сомнений. Однако и самого Кеннеди, и его брата, и близких к нему людей до сих пор очень тревожит то, что Кеннеди выиграл выборы с небольшим преимуществом против республиканцев. Сейчас предпринимаются все усилия, чтобы еще до того, как начнет ся новая предвыборная кампания, завоевать более прочные позиции, чтобы идти на выборы против республиканцев более смело. Это обстоятельство заставляет Кеннеди и близких ему людей действовать в нескольких направлениях, причем в каждом из них разными методами. Об одном я уже сказал - это культ Кеннеди. Второе - представить дело таким образом, что Кеннеди собрал вокруг себя самых умных американцев и что он создал динамичную администрацию. Журналисты не без явного удовольствия сообщают, что и сам Кеннеди, и люди, близкие к нему, открыто издеваются над Эйзенхауэром, которого теперь уже вслух называют гольф-президент. Рестон по этому поводу рассказал мне такую шутку, которую, как он выразился, старались не передавать иностранцам во время

правления Эйзенхауэра: "Когда Айк собирался к вам, в Советский Союз, в Америке пустили слух, что господин Хрущев приготовил где-то под Москвой поле для игры в гольф. По этому поводу у нас говорили: то, что Айк играет в гольф в Соединенных Штатах — это еще полбеда; когда он проигрывает или выигрывает в Америке — это, в конце концов, касается только нас, американцев. Премьер Хрущев наверняка проиграет Эйзенхауэру в гольф в Советском Союзе и польщенный этой победой, старик проиграет Хрущеву по всем другим линиям".

Есть одна чрезвычайно важная для Кеннеди и, как я понял, для любого будущего американского президента вещь. Президент Соединенных Штатов должен уметь разговаривать, как они выражаются, с советскими лидерами. Это преимущество в конце концов является самым главным. Недаром, как рассказывают, во время агитации за Кеннеди на многих митингах впрямую говорилось: "Никсон не сможет говорить с премьером Хрущевым, а если сможет, то только на кухне /таким образом иронически высмеивалась беседа Никсона с Н.С. Хрущевым на кухне типичного американского домика во время американской выставки в Москве/. Кеннеди сможет говорить с премьером Хрущевым".

Администрация Кеннеди довольно настойчиво воздействует на американцев по всем направлениям, о которых сказано выше. Однако, и самого Кеннеди и его окружение беспокоит то, что он пока никак не доказал американцам свою способность договариваться и регулировать спорные вопросы с Советским Союзом. Когда мы прощались с Чайлдсом /мы знакомы давно. Вместе принимали участие в новогодней дискуссии 1959 года в Париже/, он откровенно сказал: "Мы пришли в советское посольство сегодня и пробыли здесь так долго потому, что предполагаем, что Кеннеди,

очевидно, решил все-таки доказать, что он начнет серьезный диалог с Хрущевым". Я ответил ему, что не могу поручиться за Кеннеди, но что касается Советского правительства, то оно всегда готово на серьезные переговоры для урегулирования споров. Чайлдс добавил: "Как вы знаете, я сочувствую демократам и волнуюсь за Кеннеди. Он задерживает в армии примерно 125 тысяч резервистов. Это - 125 тысяч голосов против него, плюс их жены, невесты, матери и отцы - это уже около полумиллиона голосов. В ноябре 1962 года состоятся выборы в палату представителей и на треть мест - в сенат. Хотя президент США может и не иметь большинства ни в сенате, ни в палате представителей, однако все-таки лучше иметь это большинство. Таким образом, выборы ноября 1962 года, - резюмировал Чайлдс, - будут своего рода репетицией перед той кампанией переизбрания, которую Кеннеди начнет где-то в 1963 году".

На следующий день после приезда в Вашингтон президент дал завтрак, на котором присутствовали его жена, сестра жены, а также Большаков с женой. Обращает на себя внимание такая деталь. Когда я поздоровался с Кеннеди, он почти сразу же завел разговор о Кубе, о том, как мне там понравилось. Получив соответствующий ответ, Кеннеди помедлил и проговорил:

- А как Че Гевара?

Ответил, что по-видимому неплохо, хотя я и не виделся с ним часто, и спросил в свою очередь - почему президента вдруг заинтересовал один из деятелей кубинской революции?

- Я читаю кое-какую прессу и донесения, - ответил Кеннеди.

В свою очередь, заметил: "Вы интересуетесь делами на Кубе,

это Ваше право. Но когда мы читаем, что США собираются вторгнуться на Кубу, нам думается, что это не в вашем праве".

- Мы сами не собираемся вторгаться на Кубу, - ответил Кеннеди.

Напомнил ему: "А наемники из Гватемалы и некоторых других стран? Вы уже изменили свое мнение насчет того, что одна высадка в апреле 1961 года была ошибкой Америки?"

Кеннеди пристукнул кулаком по столу и сказал:

- В свое время я вызвал Аллена Даллеса и ругал его. Я сказал ему: учитеесь у русских. Когда в Венгрии у них было тяжело, они ликвидировали конфликт за трое суток. Когда им не нравятся дела в Финляндии, президент этой страны едет к советскому премьеру в Сибирь и все устраивается. А вы, Даллес, ничего не смогли сделать.

Ответ президенту:

- Что касается Венгрии, то Ваша аналогия с Кубой совершенно несостоятельна. Что касается Финляндии, то, может быть, это тот случай, который подсказывает Соединенным Штатам, что им надо научиться уважать Кубу. Ведь мы уважаем Финляндию, и хотя в ней существуют капиталистические порядки, президент буржуазного государства находится в дружественных отношениях с Советским Союзом.

Кеннеди смолчал, и затем с подчеркнутой серьезностью проговорил:

- Американскому народу, даже с точки зрения психологической, очень трудно согласиться с тем, что происходит на Кубе. Это ведь в девяноста милях от нашего берега. Очень трудно, - повторил он, и добавил: - Куба падет изнутри.

- Со многими вещами приходится мириться, - заметил я президенту. - И ко многим вещам приходится привыкать, в том числе, видимо, ко многим новым вещам придется привыкнуть и американскому народу. Лишь бы вы не вмешивались в дела Кубы, это - самое главное. А народ поймет.

Кеннеди довольно резко заметил:

- Мы не будем вмешиваться в дела Кубы.

- Очень жаль, господин президент, - сказал я ему, - что эти Ваши слова нельзя опубликовать в газетах.

Кеннеди задал вопрос: "Как Кастро отнесся к факту Вашего приглашения из Гаваны в Вашингтон?"

Сказал, что Кастро был очень рад этому, несколько он стоит за мирное сосуществование, в том числе за улучшение советско-американских отношений.

- Вот об этом мы поговорим с Вами, если Вы разрешите, после завтрака.

Затем, как я уже писал, Кеннеди отправил Сэлинджера и Аколоского, попросив быть переводчиком Большакова. Беседа продолжалась около двух часов. О содержании беседы сообщалось из Вашингтона.

В ходе разговора Кеннеди сказал, что приглашает на следующий день на пресс-конференцию, которую он обычно проводит в госдепартаменте. На пресс-конференции было более 400 журналистов. К ней чувствовался повышенный интерес. Хотя эта пресс-конференция проходила сразу же после окончания совещания в Пунта-Дель-Эсте, однако Кеннеди буквально скороговоркой произнес несколько слов о межамериканском совещании. Ему не было задано ни одного вопроса в связи с этим совещанием. В кулуарах

американские журналисты говорили: "О чем спрашивать президента, когда это провал Соединенных Штатов? Бразилия, Мексика и некоторые другие страны дали нам пощечину".

Был, правда, задан вопрос, который явно вызвал раздражение Кеннеди. Один из журналистов спросил: "В связи с окончанием совещания в Пунта-Дель-Эсте, не вернутся ли Соединенные Штаты вновь к торговым отношениям с Кубой и не будут ли покупать там сигары?" Кеннеди в недовольном тоне ответил: "Я не в курсе дела. Кажется идут разговоры о продаже некоторых медикаментов. Возможно, мы получим взамен сигары", что вызвало взрыв смеха в зале.

Было задано несколько вопросов о советско-американских отношениях, в том числе о том, собирается ли Кеннеди посетить Советский Союз и имеет ли он такое приглашение? Кеннеди был смущен этим вопросом, испытывая особую неловкость из-за присутствия советских журналистов. Ответ его носил уклончивый характер, из которого можно было понять, примерно, следующее: я бы хотел, но меня не зовут.

Кстати сказать, тема о поездке Кеннеди в Советский Союз и о встрече с Н.С. Хрущевым непрерывно варьируется в американских газетах. Об этом спрашивают все американцы, с которыми приходится разговаривать, если они хоть как-то интересуются политическими вопросами.

Хотелось бы отметить еще один факт, связанный с пресс-конференцией Кеннеди. Ему задается много пустых, явно демагогических вопросов по третьестепенным проблемам. Создается впечатление что это - пустая трата времени, та самая "американская традиция", которая создана империалистической пропагандистской машиной для одурачивания людей.

После пресс-конференции Кеннеди попросил еще об одной встрече, которая, как он выразился, будет носить совсем конфиденциальный характер. О ней также уже сообщалось в Москву.

Обращает внимание боязнь президента просто и открыто принять советского журналиста. Через Большакова, Селинджера было условлено, что в 6 часов вечера за мной придет машина из Белого дома, в которой я должен буду поехать по городу с тем, чтобы журналисты не узнали о новой встрече президента с советским редактором. И, действительно, машина долго возила нас по каким-то дальним улицам, наконец, мы подъехали к Белому дому со стороны личного подъезда президента. Ворота очень быстро раскрылись, у нас не спросили никаких документов и машина подошла вплотную к подъезду.

Кеннеди ходил по коридору и ждал. Он быстро прошел в комнату и на этот раз в нервном тоне начал разговор. Жестикулируя, он говорил следующее: "Ваши войска находятся в Европе. Я знаю силу и возможности вашей военной машины. Хрущев может, конечно, - и Кеннеди сделал жест руками, - подцепить Западный Берлин. Но тогда это вызовет, возможно, разрыв западных стран с Вашей страной и поведет к напряженности".

"Я хочу еще раз подчеркнуть Вам со всей серьезностью, что мои планы входят найти какое-то успешное решение вопроса, которое не затрагивало бы тех позиций, которые вы не можете уступить и тех позиций, отойти от которых не можем мы. Я прошу Вас передать и, если можно, передать устно, что Соединенные Штаты, Англия и Франция против воссоединения Германии. Нас беспокоило бы это динамичное и мощное государство. Мы понимаем нереальность такого объединения, однако, на словах я должен

говорить об объединении. И поэтому не может быть и речи о признании ГДР, так же как о признании границы на Эльбе, то-есть границы между двумя Германиями. Что касается других пограничных вопросов, то вполне возможно, что шаги, которые будут направлены к урегулированию наших споров, приведут к тому, что будет заявлено о признании границы по Одере и Нейсе".

Кеннеди очень настойчиво, как в первом, так и во втором разговоре, проводил мысль о том, что на ближайшие годы надо бы выработать такие взаимоприемлемые отношения, которые повели бы к некоторому смягчению общей мировой обстановки и позволили бы, как он заметил, более спокойным взглядом рассмотреть мировую ситуацию. В этой связи он говорил о Лаосе и о том, что он "скрутит руки Бун Уму", если мы со своей стороны гарантируем ему спокойное поведение Патет Лао.

Кеннеди явно волнует ситуация в Юго-Восточной Азии и особенно, конечно, в Южном Вьетнаме. Причем на вопрос о Южном Вьетнаме и положении Соединенных Штатов в Южной Корее он не ответил и не хотел продолжать разговор на эту тему, отговорившись общей фразой, что ни у СССР, ни у США в том районе нет больших интересов и это прежде всего стоит иметь в виду. Он опять повторил уже высказанную мысль, что Соединенные Штаты Америки и Советский Союз могут много посылать туда оружия, но это оружие и эти осложнения могут быть использованы третьими силами, более заинтересованными в конфликте между США и СССР.

Затем Кеннеди пространно говорил о том, что, как он подчеркнул, является самым неотложным — о берлинской проблеме. Продолжая предыдущий разговор, он сказал, что очень хотел бы

более конструктивных и, как он уточнил, более человеческих разговоров министра Громыко и посла Томпсона, поскольку сейчас они только обмениваются общими декларациями. "Мне хотелось бы, — сказал Кеннеди, — чтобы они сели за стол, имея в руках карту Германии и начали изыскивать возможности для урегулирования, которые устраивали бы в равной степени и Советский Союз, и Соединенные Штаты Америки. Я хочу, чтобы ваше правительство поняло: нам невозможно уйти из Западного Берлина или разрешить там присутствие советских войск". На мой вопрос: почему не может пойти речь о гарантиях со стороны Организации Объединенных Наций или нейтральных государств, он сказал, что это тоже невозможно, что это привело бы к полному развалу западного блока. "Поймите, — заговорил он очень обеспокоенно, — чем сложнее наши отношения в Берлине и Германии, тем настойчивее становится Аденауэр. Пока я сдерживаю его и у меня достаточно аргументов, чтобы не дать немцам атомное оружие. Однако всякие осложнения, которые возникают между нами, подталкивают реваншистские силы в Западной Германии". Эта фраза Кеннеди была явно рассчитана на то, чтобы в какой-то степени если не запугать нас, то, так сказать, припугнуть.

Ответил Кеннеди: "Речь не идет о том, что мы боимся Западной Германии и президент прекрасно это понимает". Может быть это и деликатный вопрос, сказал я Кеннеди, но не боятся ли Соединенные Штаты, а еще больше Англия и Франция Западной Германии?"

— Этих немцев можно бояться, — ответил Кеннеди. Затем он сказал: — Я понимаю, что и вас и ваших союзников могут не устраивать слова "оккупационные войска". Но речь идет о небольшом контингенте солдат, которым можно было бы подыскать другое название

Теперь о доступе, — продолжал Кеннеди. — Я смотрю на вещи реалистично. Поскольку вы так возражаете против международного контроля на автостраде, нам бессмысленно настаивать. Да ведь уже и сейчас офицеры ГДР /я поблагодарил президента за то, что он впервые при мне произнес полное название Германской Демократической Республики/ ставят печати. Дело не в том, кто будет ставить печати. Можем ли мы с вами пофантазировать /именно так он выразился/ по поводу некоторых компромиссных шагов, связанных с доступом западных держав в Западный Берлин? Мы готовы пойти навстречу Советскому Союзу и Западный Берлин не будет иметь политических связей с ФРГ. Может быть, вы пошли бы навстречу в смысле некоторого облегчения западных позиций в вопросе о доступе?

Затем президент развивал такую мысль: может случиться, что советский корабль будет занесен бурей в воды франкистской Испании. "В таком случае вы бы не вступили в контакты с Франко, а попросили бы, чтобы ваши интересы представляла какая-то третья держава?"

— Мы уже пробовали это сделать, когда речь шла о советском танкере "Туапсе", бандитски захваченном Вашим другом Чан Кай Ши и из этого ничего не вышло.

— Давайте не вспоминать прошлого, — сказал президент. — У нас тоже есть друзья, которые нам не нравятся. Так вот, если американская автоколонна с грузами будет иметь конфликт на автостраде, мы не сможем, и вы не толкайте нас к этому, начать в таком случае разговаривать с Ульбрихтом. Это бы означало втягивание нас в признание ГДР. К кому мы обратимся в таком случае, чтобы расшить, развязать этот конфликт?

Ответил, что если руководствоваться простой аналогией, очевидно, к какой-то третьей держав.

Кеннеди сказал: "Вот вокруг этого, возможно, и стоило бы пофантазировать". И еще раз подчеркнул: "Мы понимаем, что международный контроль нам не удастся установить и, конечно, глупо цепляться за то, кто будет ставить печать".

Кеннеди говорил затем о том, что они сейчас разрабатывают с Макмилланом новые предложения по разоружению, которые, как он считает, могли бы встретить конструктивное отношение со стороны Советского правительства.

Можно представить, как бы ошеломлен Кеннеди, услышав о нашем предложении провести Комитет 18-ти государств по разоружению на высшем уровне. Это, безусловно, выбило у Кеннеди и Макмиллана надежду на инициативу/.

Затем Кеннеди сказал, что в лично приветствует контакты, которые существуют между Большаковым и Робертом Кеннеди, поскольку это дает ему возможность обходиться без услуг переводчиков из госдепартамента.

Наблюдения показывают, что действительно в присутствии Аюловского и даже Сэлинджера - человека, более близкого ему - президент говорит совсем другим языком и даже внешне держится более напряженно.

Он спросил: "Интересный ли был разговор за завтраком у Роберта Кеннеди?"

Ответил, что брат его был молчалив и что мы почти не говорили ни о каких международных проблемах. Тут же, как бы невзначай, спросил президента:

- Я видел недавно в журнале "Лайф" большой портрет Вашего

брата Роберта Кеннеди, под которым стояла надпись: "Человек номер 2. Трудно управляемый, не подчиняющийся младший брат". Это соответствует действительности, что г-н Роберт Кеннеди стал человеком номер 2 в США?

Кеннеди как бы удивился:

- Даже Вы обратили на это внимание? Я говорил с братом по этому поводу и сказал ему, что если он рассчитывает стать человеком номер 1, то сделать это ему будет не так просто и что скорее он станет человеком номер три, четыре, пять, шесть...

- Да, кстати, - заметил Кеннеди, - по поводу поездки брата в Советский Союз произошла скандальная история. Мы сейчас разыскиваем человека в госдепартаменте, который предал гласности то, что Роберт, возможно, частным порядком посетит Советский Союз. Я бы очень хотел, чтобы он поговорил с председателем Хрущевым. Но когда американская печать устроила скандал, мы вынуждены были дать опровержение. У вас, видимо, все это устраивается проще, - заметил Кеннеди. - Вот вы пригласили Сэлинджера в Москву и уже республиканские конгрессмены атакуют и Сэлинджера, и меня.

Прощаясь после беседы, Кеннеди попросил передать привет Н.С. Хрущеву в надежде, как он проговорил улыбаясь, "на возможность более спокойной встречи, чем была в Вене, где я больше думал о том, как вести себя перед целой сворой журналистов".

Затем Кеннеди поинтересовался, как я провел день в Вашингтоне. Я ответил ему, что в Вашингтоне всегда скучно, поскольку здесь совсем некуда пойти: нет ни театра, ни хорошего концертного зала. Вот завтра у вас будет концерт скрипача, оказал я, видимо интересно будет его послушать.

- Да, - подтвердил Кеннеди, - Вашингтон, конечно, столица

без театров. Как вы знаете, мы намереваемся построить в Вашингтоне большой культурный центр, но для этого потребуется около 30 миллионов долларов. Сейчас я и моя жена заняты тем, что пишем письма по разным адресам и просим вносить пожертвования для строительства. Но дела идут очень медленно. Люди не хотят расставаться с деньгами.

- Но почему бы Вам, г-н президент, - сказал я Кеннеди, - не внести эти деньги из своих средств? Ведь Ваша семья очень богатая и, если бы Вы сделали такой широкий жест, Вы, наверное, заслужили бы много добрых слов по своему адресу.

Кеннеди улыбнулся и совершенно откровенно проговорил:

- Да, но ведь в данном случае речь идет о моих собственных деньгах.

На следующее утро, когда был уже назначен отъезд в Нью-Йорк для отлета в Мехико, неожиданно позвонил Гарриман и сказал, что готов приехать в советское посольство, чтобы увидеться хотя бы на несколько минут или, если это удобнее, просил приехать к нему. Ответил, что лучше будет, если я заеду к г-ну Гарриману. Беседа с Гарриманом заняла около пятнадцати-двадцати минут и носила общий характер. Поскольку Гарриман занимается Лаосом, он несколько раз повторил уже высказанную Кеннеди мысль, что было бы хорошо договориться о Лаосе. Затем он просил передать Н.С. Хрущеву большой привет, сказал, что вспоминает о встречах с Никитой Сергеевичем и был рад принимать его в свое время в своем доме.

- Вся наша семья очень хорошо помнит этот визит и умение господина Председателя вести беседу легко и непринужденно. Я, сказал Гарриман, старый человек, но мечтаю о новой встрече с

господином Хрущевым и уверен, что мы с ним обязательно поговорим о советско-американских отношениях.

Гарриман попросил разрешения, чтобы в его кабинет вошло несколько журналистов и фоторепортеров и при них еще раз повторил приветия для Н.С. Хрущева и вновь сказал в присутствии представителей прессы, что хотел бы встретиться с Н.С. Хрущевым и обсудить с ним многие важные проблемы. Все это было явно сделано в расчете на то, чтобы имя Гарримана лишний раз появилось в печати, особенно в связи с тем, что он знаком и говорил с Н.С. Хрущевым.

А. АДЖУБЕЙ

12 мая 1952

